

Минье Франсуа Огюст

**История французской
революции**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Ф82

Ф82 **Франсуа Огюст М.**
История французской революции / Минье Франсуа Огюст – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 432 с.

ISBN 978-5-519-96716-7

ISBN 978-5-519-96716-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сочиненіе Минье о французской революціи вышло въ свѣтъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ, во время реставраціи. Оно было чуть ли не первою исторіей революціи, заслуживающей этого названія. Попытки изобразить ходъ революціи, объяснить причины, оцѣнить значеніе ея были дѣлаемы и раньше, но дѣлаемы такими лицами, которыя сами принимали участіе въ ней или, по крайней мѣрѣ, стояли къ ней слишкомъ близко, чтобы взглянуть на нее спокойно и безпристрастно (Мунье, Малледю-Панъ, Неккеръ, Бертранъ-де-Моллевилль, Феррьеръ, госпожа Сталь). Для всѣхъ этихъ лицъ революція, даже подавленная, побѣжденная, не переставала быть настоящимъ, страшнымъ и грознымъ; для Минье, родившагося во время директоріи, вступившаго въ жизнь уже послѣ паденія Наполеона, она была прошедшимъ,—а прошедшее только одно можетъ быть предметомъ исторіи. Холодный и разсудительный, свободный отъ страстей, отъ предубѣжденій революціонной эпохи, Минье могъ разсѣять туманъ, ее окружавшій, возстановить событія въ ихъ настоящемъ видѣ, указать внутреннюю связь, существующую между ними, раскрыть логическую послѣдовательность тамъ, гдѣ до тѣхъ поръ видѣли только случайность или злодѣйство. Обстановка, среди которой писалъ Минье, соответствовала какъ нельзя лучше характеру его таланта. Реакція противъ всего революціоннаго, сопровождавшая возвращеніе Бурбоновъ, миновала; броженіе умовъ, вызванное ею, усиленное испанскимъ государственнымъ переворотомъ, прекратилось въ свою очередь и уступило мѣсто кратковременному затишью. Франція 1824 или 1825 г. тяготилась существующимъ порядкомъ вещей, но не теряла еще надежды измѣнить его путемъ легальной, мирной оппозиціи. Министерство Виллеля не доходило еще до прямыхъ покушеній на гражданское равенство, на свободу совѣсти, на свободу печати; Карлъ X еще не отдался вполне въ руки конгрегации и іезуитовъ. Между Бурбонами и Франціей было заключено какъ бы перемиріе;

наслѣдникамъ Людовика XVI данъ былъ послѣдній шансъ, послѣдній случай доказать, что они кое-что забыли и кое-чему научились. Въ этотъ переходный моментъ революція XVIII вѣка должна была представляться французамъ какъ нѣчто пережитое, законченное; они должны были обращать вниманіе больше на ея цѣли, еще не вполне достигнутыя, нежели на ея средства, къ которымъ они не думали возвращаться; изъ числа самыхъ цѣлей они должны были останавливаться преимущественно на ближайшихъ, менѣе спорныхъ. Отсюда возможность хладнокровнаго отношенія къ революціи, немислимаго въ такое время, когда ожидается со дня на день возобновленіе борьбы. Отсюда объективность, не исключаящая, впрочемъ, сочувствія къ перевороту,—объективность, составляющая отличительную черту сочиненія Минье и отводящая ему особое мѣсто посреди всѣхъ и другихъ исторій революціи. Благодаря этой особенноти, благодаря также сжатоу, ясному, точному изложенію, книга Минье не потеряла значенія и до сихъ поръ, несмотря на всю массу историческихъ трудовъ, послѣдовавшихъ за нею. Она служитъ какъ бы введеніемъ къ этимъ трудамъ: она облегчаетъ изученіе ихъ, сводя въ одно цѣлое главнѣйшіе факты, рельефно выставляя на видъ общій ходъ событій. Она занимаетъ середину между учебникомъ и ученымъ трудомъ, соединяя наглядность перваго съ самобытностью послѣдняго, приближаясь къ учебнику по своему объему, къ ученому труду по серьезности и иногда по глубинѣ мысли. Взглядъ на революцію, на ея дѣятелей, на ея стремленія и результаты во многомъ измѣнился съ тѣхъ поръ, когда писалъ Минье; множество фактовъ открыто вновь, множество другихъ освѣщено совершенно иначе; но сочиненіе Минье, нейтральное по внутреннему характеру своему и не входящее въ подробный разборъ отдѣльных фактовъ, пострадало отъ времени не слишкомъ сильно. Въ тѣхъ размѣрахъ и по той программѣ, какихъ держался Минье, исторія революціи не была изложена послѣ него, кажется, никѣмъ. Мы надѣемся, поэтому, что переводъ его книги, еще недавно выдержавшей новое изданіе во Франціи, не будетъ излишнимъ для русской публики.

Если не считать учебниковъ, съ исторіей французской революціи можно познакомиться на русскомъ языкѣ только по двумъ книгамъ: „Исторія XVIII вѣка“, Шлоссера, и „Исторія французской революціи и ея времени“ *). О „Старомъ порядкѣ и революціи“ Токвиля мы не говоримъ, какъ потому, что русскій переводъ этой книги крайне дуренъ и едва удобочитаемъ, такъ и потому, что она касается не

*) Писано въ 1865 г.

самой революціи, а времени, непосредственно предшествовавшего ей. Исторія Шлоссера имѣетъ много несомнѣнныхъ достоинствъ, но не отличается ни ясностью, ни стройностью изложенія, предлагаетъ иногда матеріалы въ сыромъ, почти неразработанномъ видѣ, высказываетъ мнѣнія, не развивая и не мотивируя ихъ, часто останавливается на мелочахъ, упуская изъ виду обстоятельства болѣе существенныя. На большинство читателей книга Шлоссера производитъ смутное впечатлѣніе, которое можетъ быть осмыслено, упрочено только внимательнымъ и подробнымъ изученіемъ ея. Притомъ въ разсказѣ Шлоссера революція составляетъ только эпизодъ, сливающийся въ одно цѣлое съ другими современными событіями; она занимаетъ собою не болѣе одного изъ восьми томовъ „Исторіи XVIII вѣка“. Сочиненіе Зибеля о революціонной эпохѣ принадлежитъ, безспорно, къ числу самыхъ замѣчательныхъ трудовъ по этому предмету; но взятое отдѣльно отъ другихъ, оно не можетъ дать ни полнаго знакомства съ фактической стороною, ни безпристрастнаго взгляда на характеръ и смыслъ революціи. Зибель поставилъ себѣ задачей не столько повторить, сколько дополнить и исправить дѣло своихъ предшественниковъ. Въ сочиненіи его нѣтъ, поэтому, строгой соразмѣрности между частями: объ одномъ онъ говоритъ очень подробно, на другое только намекаетъ, о третьемъ умалчиваетъ совершенно. Онъ постоянно предполагаетъ, что главныя событія революціи уже извѣстны его читателямъ, и дорожитъ больше оригинальностью, чѣмъ полнотою изложенія. Онъ обращаетъ вниманіе преимущественно на тѣ факты, которые до тѣхъ поръ не были раскрыты вовсе или были представлены не въ истинномъ ихъ свѣтѣ. Приступая, напримѣръ, къ описанію суда надъ королемъ, онъ предупреждаетъ, что нѣкоторыя стороны этого дѣла, знакомыя всѣмъ и каждому, будутъ упомянуты имъ только въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для общей связи разсказа. Взятіе Бастиліи занимаетъ у него менѣе страницы; событія 5-го и 6-го октября изложены, наоборотъ, очень подробно, потому что онъ объясняетъ ихъ иначе, чѣмъ большинство историковъ. Дипломатическія сношенія, военныя дѣйствія, финансовыя дѣла, экономическіе вопросы стоятъ у Зибеля на первомъ мѣстѣ; пренія законодательныхъ собраній, столкновенія партій, народныя движенія отодвинуты на задній планъ. Въ книгѣ Минье, несмотря на сравнительно небольшой объемъ ея, можно найти больше отрывковъ изъ парламентскихъ рѣчей того времени, чѣмъ въ сочиненіи Зибеля. О безпристрастномъ отношеніи къ революціи у Зибеля нѣтъ и рѣчи: онъ пишетъ съ предвзятою мыслью, съ явно полемическими намѣреніями. Въ сочиненіи Зибеля отразилось цѣлое политическое ученіе,

господствующее до сихъ поръ въ нѣмецкой исторической наукѣ. Зибель не принадлежитъ къ числу защитниковъ стараго порядка вещей; онъ считаетъ и до извѣстной степени имѣть право считать себя либераломъ; но середина, которой онъ хочетъ держаться, на самомъ дѣлѣ гораздо ближе къ правой сторонѣ, нежели къ лѣвой. Глубоко убѣжденный въ томъ, что слѣпое увлеченіе революціей—результатъ неправильнаго пониманія ея—послужило для Германіи, особенно въ 1848 г., источникомъ самыхъ серьезныхъ политическихъ ошибокъ, Зибель старается низвести революцію съ ея пьедестала, сорвать съ нея покровъ величія и поэзіи, надѣтый на нее служивыми историками. Онъ доказываетъ вездѣ и всегда ошибочность ея ученій, порочность, эгоизмъ или бездарность ея героевъ, громадность и безплодность жертвъ, которыхъ она стоила народу. Въ своихъ варіаціяхъ на эту тему онъ ссылается иногда на матеріалы, извѣстные ему одному, на документы, хранящіеся въ архивахъ и недоступные для публики, не приводя ихъ подлиннаго текста и заставляя читателей принимать его мнѣніе безъ всякой повѣрки. Тому, кто изучаетъ подробно исторію революціи, невозможно обойтись безъ сочиненія Зибеля, во многихъ отношеніяхъ ничѣмъ не замѣнимаго; но для первоначальнаго знакомства съ нею оно рекомендовано быть не можетъ.

Въ сравненіи съ другими сочиненіями о революціи, не переведенными до сихъ поръ на русскій языкъ, книга Минье имѣетъ, какъ мы уже сказали, преимущество краткости,—преимущество, конечно, не безусловное, но дѣлающее ее наиболее удобной для перевода. Для громадныхъ сочиненій Тьера, Мишле, Л. Блана едва ли нашлось бы много читателей въ нашей публикѣ. Человѣка, мало знакомаго съ исторіей революціи, они подавили бы массою фактовъ, обиліемъ подробностей, ими сообщаемыхъ. Сочиненіе Тьера, написанное почти въ одно время съ сочиненіемъ Минье, устарѣло гораздо больше, именно потому, что разработка деталей, которой почти вовсе нѣтъ у Минье, подвинулась съ тѣхъ поръ довольно сильно. Фаталистическій взглядъ, свойственный Минье, доведенъ у Тьера до самыхъ крайнихъ предѣловъ и принимаетъ во многихъ мѣстахъ характеръ преклоненія передъ силой, передъ успѣхомъ, передъ совершившимся фактомъ. Тьеръ и не думаетъ, напримѣръ, сомнѣваться въ законности насильственныхъ мѣръ, принятыхъ противъ народа на Марсовомъ полѣ 17-го іюля 1791 г., потому что на этотъ разъ насиліе удалось партіи порядка. Онъ называетъ жирондистовъ самыми просвѣщенными и самыми великодушными людьми тогдашней Франціи; онъ завидуетъ ихъ участи, онъ удивляется мужеству, съ которымъ они возставали противъ учрежденія революціон-

наго трибунала; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждаетъ, что оппозиція ихъ была опасна, негодованіе безразсудно, что они повредили дѣлу революціи и свободы, что ожесточеніе, съ которымъ они защищали умѣренный образъ дѣйствій, сдѣлало его невозможнымъ на будущее время. Жирондисты пали—и этого довольно для Тьера, чтобы признать паденіе ихъ вполне заслуженнымъ. Онъ сочувствуетъ Дантону, но оправдываетъ его казнь, потому что комитетъ общественнаго спасенія, „послѣ удара, нанесеннаго ультра-революціонерамъ (Геберу и др.), долженъ былъ нанести ударъ и умѣренной партіи“. Припомнимъ, наконецъ, что Тьеръ открыто провозглашаетъ необходимость 18-го брюмера и не находитъ для него ни одного слова осужденія, между тѣмъ какъ Минье называетъ его нарушеніемъ права, посягательствомъ на свободу. „Я писалъ,—говоритъ Тьеръ на послѣдней страницѣ своей книги,—безъ ненависти, сожалѣнія объ ошибкахъ, уважая добродѣтель, удивляясь величію, стараясь угадать глубокіе виды провидѣнія и преклоняясь передъ ними, какъ скоро мнѣ казалось, что я угадалъ ихъ“. Если принять въ соображеніе, что для Тьера ошибка однозначительна съ неудачей, величіе—съ побѣдой, то нельзя не признать, что въ выше приведенныхъ словахъ заключается довольно точная характеристика его „Исторіи французской революціи“.

Послѣ выхода въ свѣтъ сочиненій Минье и Тьера прошло около двадцати лѣтъ, въ продолженіе которыхъ не появилось во Франціи ни одного капитальнаго труда по исторіи революціи. Разработка ея, конечно, не прекращалась, число историческихъ матеріаловъ постоянно возрастало; особенная заслуга въ собраніи и группировкѣ ихъ принадлежитъ Бюше и Ру, издателямъ „Парламентарной исторіи“ (*Histoire parlementaire*), состоящей изъ нѣсколькихъ десятковъ томовъ и посвященной исключительно концу XVIII вѣка. Незадолго до 1848 г. исторія революціи обогатилась почти одновременно сочиненіями Ламартина, Мишле и Луи Блана *). „Исторія жирондистовъ“, Ламартина, не можетъ быть названа историческимъ произведеніемъ въ полномъ смыслѣ этого слова: фантазія преобладаетъ въ ней надъ мыслью, краснорѣчіе, часто обращающееся во фразерство,—надъ серьезнымъ изслѣдованіемъ предмета; но въ свое время она имѣла огромное вліяніе на умы и удвоила интересъ къ изученію революціи. Нѣкоторые портреты—напримѣръ, Верньо, Дюмурье, Марата—начертаны въ ней мастерски; нѣкоторыя сцены—напримѣръ, процессъ и казнь жи-

*) Изъ числа этихъ трехъ сочиненій послѣднее приписано къ концу не раньше 1860 г., но первые томы его, чуть ли не самые замѣчательные, вышли въ свѣтъ въ 1847 г.

рондистовъ—не могутъ быть прочитаны и теперь безъ сильнаго, глубокаго чувства. „Исторія Учредительнаго Собранія“ (*Histoire des Constituantes*), изданная Ламартиномъ нѣсколько позже, соединяетъ въ себѣ всѣ недостатки „Исторіи жирондистовъ“ и только немногія изъ ея достоинствъ.

„Исторія французской революціи“ Мишле принадлежитъ, подобно всѣмъ сочиненіямъ этого автора, къ числу книгъ неудобопереводимыхъ, по крайней мѣрѣ, въ полномъ ихъ объемѣ. Содержаніе у Мишле трудно отдѣлить отъ формы,—такъ она своеобразна и оригинальна. Его слогъ, цвѣтистый и изысканный, полный образовъ и метафоръ, то страстный, то тривіальный, утомителенъ даже въ подлинникѣ, несмотря на безспорныя красоты его, и былъ бы совершенно невыносимъ въ переводѣ—развѣ, еслибы переводчикъ былъ такимъ же художникомъ, какъ и авторъ. Обладая искусствомъ схватывать иногда отличное свойство эпохи, господствующую черту характера, Мишле не знаетъ мѣры въ своемъ психологическомъ анализѣ, впадаетъ то въ мелочность, то въ парадоксальность, увлекается каждою эффектовою и часто жертвуетъ ей всѣмъ, даже авторскою добросовѣстностью. По справедливому замѣчанію Тена, пристрастнаго вообще скорѣе въ пользу, чѣмъ противъ Мишле, сочиненія послѣдняго оставляютъ въ читателѣ не убѣжденіе, а сомнѣніе—сомнѣніе не только въ правильности взглядовъ историка, но и въ достовѣрности фактовъ, имъ сообщенныхъ. Въ исторіи революціи Мишле хотѣлъ, между прочимъ, прославить Дантона и унижить Робеспьера; эта предвзятая мысль не могла не повредить его книгѣ. Кинѣ хвалить Мишле за его гуманность, за его состраданіе къ жертвамъ революціи, за то, что система нигдѣ не подавляетъ въ немъ естественнаго чувства, но эта похвала имѣетъ значеніе больше отрицательное, нежели положительное, — она направлена противъ Луи Блана, въ которомъ, по мнѣнію Кинѣ, естественное чувство слишкомъ часто заглушается системой.

Справедливо ли мнѣніе Кинѣ о Луи Бланѣ? Подробное разсмотрѣніе этого вопроса повело бы насъ слишкомъ далеко; скажемъ только, что, если въ сочиненіи Мишле замѣтно желаніе превознести Дантона, то „Исторія французской революціи“ Л. Блана можетъ быть названа преднамѣренною апопеезою Робеспьера. Отсюда снисходительность къ террору, попытки доказать его необходимость, несправедливое отношеніе ко всѣмъ тѣмъ, кто пытался остановить его. Л. Бланъ далеко не свободенъ отъ фразерства, свойственнаго большинству французскихъ писателей; онъ часто смѣшиваетъ декламацию съ краснорѣчіемъ, риторическую шумиху—съ энергіей. Подробность его разсказа мѣстами доходитъ до мелочности; изъ историка онъ обращается иногда въ слѣдователя

или въ хроникера. Нѣкоторыя главы—напримѣръ, глава о Людовикѣ XVI или о королевинѣмъ ожерельѣ — могутъ быть названы скорѣе разборѣмъ уликъ, нежели критикой историческихъ данныхъ. Несмотря на всѣ эти недостатки, книга Л. Блана занимаетъ высокое, покамѣстъ, можетъ быть, даже самое высокое мѣсто въ ряду сочиненій, посвященныхъ французской революціи. Задача историческаго труда, въ высшемъ смыслѣ этого слова, исполнена Л. Бланомъ далеко не вполне; но все-таки онъ ближе къ исполненію ея, чѣмъ другіе историки революціонной эпохи. Никто изъ нихъ не прослѣдилъ такъ глубоко развитія идей и учреждений, въ которыхъ таятся первыя сѣмена революціи; никто изъ нихъ не представилъ такой блестящей и широкой картины состоянія Франціи передъ 1789 г. Въ этой картинѣ есть нѣкоторая искусственность, колоритъ ея не вездѣ вѣренъ оригиналу; но взятая въ цѣломъ, она вводитъ насъ во всѣ области матеріальнаго быта, во всѣ изгибы умственной жизни французовъ XVIII вѣка. Исторія первыхъ двухъ лѣтъ революціи также принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ отдѣловъ книги Л. Блана. Съ громадною, величавою дѣятельностью Учредительнаго Собранія никто не знакомитъ насъ лучше Л. Блана; но она не отвлекаетъ его вниманія отъ другихъ явленій, идущихъ параллельно съ нею. Заговоры придворныхъ и аристократовъ, народныя движенія въ Парижѣ и волненія въ провинціяхъ, переворотъ, совершающійся въ журналистикѣ и литературѣ, въ понятіяхъ и нравахъ,—однимъ словомъ, всѣ различныя стороны политической и общественной жизни очерчены Л. Бланомъ съ такою полнотою, какой напрасно было бы искать у другихъ историковъ революціи. Онъ располагалъ матеріалами, которыми никто не пользовался до него: онъ нашелъ въ British Museum огромную коллекцію газетъ, брошюръ, прокламацій, относящихся ко временамъ революціи и раскрывающихъ, если можно такъ выразиться, оборотную, неофициальную сторону ея. Не всегда безпристрастный, Л. Бланъ всегда добросовѣстенъ; многочисленныя цитаты и ссылки, тѣмъ болѣе важныя, чѣмъ менѣе извѣстны и доступны источники, въ нихъ приводимые, даютъ возможность проверить каждое показаніе историка. Другая особенность Л. Блана, также драгоцѣнная, заключается въ томъ, что онъ не игнорируетъ своихъ предшественниковъ, не избѣгаетъ критическаго отношенія къ нимъ, а, напротивъ того, вступаетъ въ полемику каждый разъ, когда расходится съ ними по какому-нибудь серьезному вопросу. Вторая половина книги уступаетъ первой; въ послѣднихъ главахъ, обнимающихъ собою исторію Конвента послѣ 9-го термидора, замѣтны усталость и торопливость, — но это еще не значитъ, чтобы онъ были лишены достоинства и интереса. Со

временемъ, при большемъ распространѣніи историческихъ знаній, переводъ Л. Блана на русскій языкъ или, по крайней мѣрѣ, подробное извлеченіе изъ него будетъ отличнымъ приобрѣтеніемъ для русской публики. Мы надѣемся, что переводъ Минье ускоритъ наступленіе этого времени, во всякомъ случаѣ еще довольно отдаленнаго.

Сочиненія Ламартина, Мишле и Л. Блана носятъ на себѣ явные слѣды революціоннаго энтузіазма, овладѣвшаго Франціей передъ 1848 годомъ; „Исторія Національнаго Конвента“, Баранта, служить выраженіемъ реакціи, наступившей въ началѣ пятидесятихъ годовъ. Барантъ старается быть спокойнымъ и объективнымъ; но спокойствіе его переходитъ въ безжизненность и сухость, сквозь объективность проглядываетъ какая-то старческая, брюзгливая антипатія къ революціонной эпохѣ. Пренія Національнаго Конвента изложены у Баранта довольно обстоятельно и полно; но этимъ и ограничивается значеніе его книги. Застой, водворившійся послѣ декабрьскаго переворота въ умственной жизни Франціи, былъ нарушенъ въ 1856 г. „Старымъ порядкомъ и революціей“, Токвиля, этимъ глубокимъ и страстнымъ протестомъ противъ абсолютизма и нравственной летаргіи, во имя жизни, движенія и свободы. Токвиль успѣлъ написать только введеніе къ исторіи революціи; но свѣтъ, брошенный имъ на ея причины, не могъ не отразиться и на общемъ пониманіи ея. Отчасти подъ влияніемъ Токвиля, отчасти вслѣдствіе общаго пробужденія умовъ, изученіе революціи возобновилось послѣ 1860 г. съ новою силой; но дѣятельность историковъ сосредоточилась преимущественно на собраніи матеріаловъ и на составленіи монографій, специальныхъ изслѣдованій объ отдѣльныхъ лицахъ или отдѣльныхъ событіяхъ революціонной эпохи. Недоставало сочиненія, которое, возвысившись надъ частностями, воспользовалось бы всѣмъ сдѣланнымъ до сихъ поръ, всѣми опытами послѣдняго времени, чтобы установить новую точку зрѣнія на революцію. Этотъ недостатокъ восполненъ вышедшимъ недавно въ свѣтъ сочиненіемъ Эдгара Кине: „La Révolution“. По глубинѣ мысли, по оригинальности взглядовъ, по искренности чувства, по мастерству изложенія книга Кине можетъ быть поставлена на ряду съ лучшими произведеніями французской исторической литературы. Для Кине не существуетъ другого кумира, кромѣ свободы и человѣческаго достоинства. Онъ не поклоняется безусловно ни одному изъ дѣятелей революціи, не осуждаетъ безусловно ни одного изъ нихъ; сочиненіе его не имѣетъ ничего общаго ни съ обвинительнымъ актомъ, ни съ защитительною рѣчью. Онъ соединяетъ въ себѣ проникательность историка, раскрывающаго неизбѣжную связь событій, со строгостью моралиста, для котораго зло не перестаетъ быть зломъ, чѣмъ бы

ни было вызвано оно. Никто, даже Токвиль, не содѣйствовалъ такъ сильно опроверженію парадокса, видящаго въ гражданскомъ равенствѣ послѣднее слово революціи, въ плебейской диктатурѣ—полное осуществленіе ея; никто не оцѣнилъ такъ правильно и такъ мѣтко всю важность роли, которую играла свобода въ переворотѣ 1789 г. Никто не отрѣшился такъ полно отъ революціонныхъ предразсудковъ, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ до такой степени вѣрнымъ духу революціи. Главный недостатокъ Кине — узкій, нѣсколько рутинный взглядъ на соціальныя вопросы. При всѣхъ достоинствахъ своихъ, книга Кине не можетъ, однако, замѣнить собою ни одного изъ прежде названныхъ нами сочиненій; она заключаетъ въ себѣ, собственно говоря, не исторію революціи, а философскій взглядъ на эту исторію. О фактической полнотѣ Кине заботится еще гораздо меньше, чѣмъ Зибель: онъ говоритъ только о тѣхъ событіяхъ, которыя необходимы для развитія его мысли. Вполнѣ понятнымъ, поэтому, Кине можетъ быть только для тѣхъ, кто уже знакомъ, и знакомъ довольно хорошо, съ исторіей революціонной эпохи. Извлеченіями изъ Кине, помѣщаемыми въ концѣ книги, мы желали дать понятіе о манерѣ этого писателя, о характеристическихъ его свойствахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дополнить разсказъ Минье по нѣкоторымъ пунктамъ, особенно важнымъ и интереснымъ.

Изъ нефранцузскихъ сочиненій о революціи 1789 г. заслуживаетъ вниманія, кромѣ Зибеля, только „The french revolution“, Карлейля. Книга Карлейля написана съ его обыкновеннымъ талантомъ, но объ изученіи на основаніи ея французской революціи не можетъ быть и рѣчи. Ея характеръ болѣе лирическій, чѣмъ историческій; это пѣснь о революціи, то торжественная, то печальная, то ироническая; это поэма, сюжетъ которой заимствованъ изъ исторіи. Въ картинѣ, которую представляетъ намъ Карлейль, вездѣ разлито движеніе, вездѣ кипитъ жизнь—но это жизнь, созданная воображеніемъ автора, расцвѣченная цвѣтами его фантазіи, вѣрная, можетъ быть, психологически, но едва ли сходная съ дѣйствительностью. Карлейль ненавидитъ или любитъ своихъ героевъ чисто личнымъ чувствомъ, бранитъ и поучаетъ ихъ, даетъ имъ прозвища (Лафайетъ — Сципіонъ Американскій), угадываетъ ихъ мысли, вступаетъ съ ними въ споръ, требуетъ отъ нихъ отчета, преслѣдуетъ ихъ язвительными насмѣшками. „Скажи, о побѣдоносный Ламбескъ, — восклицаетъ онъ напримѣръ, — зачѣмъ ты не гонишься за толпою по аллеямъ Тюльерійскаго сада?“ — „Мопу, хмурь твои мрачныя брови и смотри хорошенько твоими крысьими глазами!“ — „На что ты разсчитываешь, Флессель? Кошка можетъ играть съ плѣнною мышью; но развѣ ты не знаешь, что опасно играть съ бѣшенымъ національнымъ тиг-

ромъ!“ Даже названія главъ—„Мыльные пузыри“, „Брезе—Меркурій“, „Броли—богъ войны“—носятъ на себѣ слѣды капризнаго остроумія Карлейля. Вся его книга—постоянный фейерверкъ, иногда освѣщающій событія поразительно-яркимъ свѣтомъ, но утомляющій, почти ослѣпляющій читателя именно непрерывностью своею. Карлейля не безъ основанія сравниваютъ съ Мишле: у обоихъ та же искусственность, та же парадоксальность, не исключаящая, время отъ времени, проблесковъ гениальной мысли. Къ книгѣ Минье сочиненіе Карлейля относится — позволяемъ себѣ это сравненіе, потому что оно служитъ вполне вѣрнымъ выраженіемъ нашей мысли—какъ роскошный десертъ къ насущному хлѣбу.

Въ сочиненіи Минье есть неполноты и пробѣлы, зависящія отчасти отъ плана, которому слѣдовалъ писатель, отчасти отъ недостаточности матеріаловъ, которыми располагала въ то время историческая наука. Восполнить всѣ эти пробѣлы—значило бы предложить читателямъ не переводъ, а передѣлку книги Минье. Они не нарушаютъ общей гармоніи разсказа и, оставляя неразъясненной ту или другую сторону событій, почти нигдѣ не даютъ ложнаго понятія о нихъ. Мы ограничимся, поэтому, немногими замѣчаніями, главная цѣль которыхъ—указать читателямъ, гдѣ именно они могутъ найти недостающее у Минье или провѣрить неточно изложенное имъ. Въ настоящей статьѣ мы не выйдемъ за предѣлы той эпохи, которую обнимаетъ собою первый томъ Минье; замѣчанія, относящіяся къ позднѣйшимъ годамъ революціи, будутъ включены нами въ составъ второго тома.

Введеніе въ исторію революціи составляетъ, можетъ быть, задачу болѣе трудную, нежели самая исторія революціи. „Исторія, — говоритъ Л. Бланъ въ предисловіи къ своей книгѣ, — не начинается и не оканчивается нигдѣ“. Къ революціи 1789 г. эти слова примѣняются какъ нельзя лучше. Переворотъ, до такой степени громаднѣй, приготовлялся не годами, а цѣлыми вѣками. Какъ провести черту между событіями, соединенными и не соединенными съ нимъ живою, внутреннею связью? На чемъ остановиться, переходя отъ ближайшихъ причинъ его къ причинамъ болѣе отдаленнымъ? Несправедливо было бы, поэтому, упрекать историка, начинающаго свой разсказъ прямо съ первыхъ вспышекъ или съ первыхъ признаковъ движенія. Объяснить причины революціи — это трудъ совершенно самостоятельный, огромный, никѣмъ еще не исполненный. до сихъ поръ въ полномъ его объемѣ. Токвиль посвятилъ ему нѣсколько лѣтъ своей жизни—и успѣлъ окончить только одну небольшую часть его. Онъ возстановляетъ предъ нами съ неподражаемымъ искусствомъ административное и сословное устройство старой монархіи, характеризуетъ въ глав-